

время пожара, или-же Генриетты Зонтагъ, цѣлующей руку стараго Бетховена.

Если въ прежнихъ книгахъ холодноватая «ироничность» являлась почти обязательнымъ защитнымъ цвѣтомъ автора, — эта книга только выигрываетъ отъ своей сравнительной «незащищенности». Мы слишкомъ долго знали, чего Алдановъ не любитъ. Среди этихъ умныхъ и спокойныхъ «доказательствъ отъ противнаго» достаточно было, одного проблеска «положительнаго», одной воли къ «утвержденію» («Бетховенъ — мой послѣдній шансъ на безсмертіе» — говоритъ Разумовскій).

Надо, чтобы молчаніе превратилось въ паузу: тогда оно приобщается къ музыкѣ.

Нѣсколько словъ о предисловіи и о второй части книги. Алдановъ пишетъ, что его книгу правильнѣе всего слѣдовало-бы назвать символической повѣстью; — тутъ-же приведенъ и самый символъ: «И вотъ — лѣстница...» и т. д.

Но символъ никогда не можетъ служить эпитафиею. Покоясь на недостижимой глубинѣ, онъ даетъ только отвѣты на поверхности; по нимъ мы догадываемся о его присутствіи.

Поэтому и предисловіе и, самъ по себѣ блестящій очеркъ объ Азефѣ, можетъ-быть, слѣдовало-бы отсѣчь, — хотя-бы съ рискомъ уменьшенія «остроты», — но и съ безстрашіемъ незащищенной художественной правды.

Къ счастью, повѣсть въ своей основной и главной части оказалась почти не затронутая «тенденціей» (Если не считать только «нарочной» главы объ удавѣ и соответствующаго упоминанія объ «удавообразномъ» Азефѣ).

Болѣе того: несмотря на то, что повѣсть объявлена символичной, — она символична на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ — художественная побѣда.

Георгій Раевскій

М. Алдановъ. Портреты. Изд-во „Слово“ Берлинъ 1930.

Въ «Портретахъ» даны короткія описанія жизни нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей «вѣка нынѣшняго и минувшаго»: Пилсудскій, Брианъ, Сперанскій, Ольга Жеребцова, Кайо, Пишегрю. Несмотря на ихъ страстную и незнашивающуюся волю, какъ много бессмысленнаго, темнаго и фатальнаго въ жизни этихъ людей съ силой, освѣщенной прожекторами исторіи. Страсти и какія то темныя эстетическія представленія о лицедѣйствѣ человѣка среди другихъ людей кажется въ гораздо большей степени, чѣмъ идеи и умственная воля, опредѣляютъ ихъ поступки. Если же смотрѣть на ихъ жизнь не съ перспективы описанія ихъ личности, а съ перспективы описанія тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ они участвовали, то всѣ они похожи на актеровъ, позванныхъ играть въ какой то неизвѣстно чѣмъ кончающейся, написанной на непонятномъ человѣку языкѣ драмѣ, въ которой даже неизвѣстно кто именно Гекуба. Актеры же думаютъ, что они знаютъ эту драму и что то говорятъ и дѣлаютъ жесты.

Читая эту проникнутую грустью книгу, невольно вспоминаешь слова Толстого: «есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная,

роевая, гдѣ чловѣкъ неизбежно исполняетъ предписанные ему законы. Чловѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей». Есть ли что нибудь въ книгѣ объ этихъ историческихъ, общечеловѣческихъ цѣляхъ? Нѣтъ, въ «Портретахъ» Алдановъ описываетъ только лица отдѣльныхъ людей, мелькнувшія на поверхности историческаго процесса. Онъ описываетъ не рѣку, а высовывающіеся изъ воды головы и отчаянно машущія руки людей, уносимыхъ теченіемъ этой рѣки. О самой же рѣкѣ ничего неизвѣстно. Возможно, что Алдановъ считаетъ, что «ноуменальная» сущность исторіи таинственна и не покрывается ни официальной исторіей, занимающейся изученіемъ движенія и смѣны въ чловѣческихъ массахъ идей и установленій, ни описаніемъ мелькающихъ рукъ и лицъ отдѣльныхъ людей. Еще знаменитый Еллинекъ училъ: «дѣйствительность безконечно многообразна и въ многообразіи своемъ непознаваема. Познаніе обуславливается точкой зрѣнія, стилизующей дѣйствительность съ определенной перспективой». Если такъ, то, повидимому, нельзя требовать, чтобы описаніе выражало во всей полнотѣ сущность изслѣдуемаго предмета. Но чтобы хоть какую то, хоть маленькую часть сущности, хотя бы условно, символически, при помощи разныхъ отдаленныхъ образовъ описаніе выражало, мы можемъ требовать. Безъ надежды на это, вся философія, да, до извѣстной степени, и все искусство бессмысленны; остаются одни восклицанія. Есть ли что нибудь объ этой сущности у Алданова или онъ подобно Пратогору, счи-

таетъ, что этой сущности вообще нѣтъ, а если и есть, то она непознаваема, а если познаваема, то неопишима, такъ что и не стоитъ объ ней говорить — вотъ главный вопросъ, который ставитъ себѣ читатель.

Въ одной статьѣ Поплавскій писалъ: «Какъ жить? — Погибать. Улыбаться, плакать, дѣлать трагическіе жесты, проходить, улыбаясь, на огромной высотѣ, на огромной глубинѣ, въ страшной нищетѣ». Когда читаешь «Портреты», то въ первую минуту кажется, что Алдановъ съ остроуміемъ, слегка отдающимъ Кандидомъ, описываетъ только трагическіе жесты и улыбки своихъ героевъ, проходящихъ надъ огромной неизвѣстной, непознаваемой глубиной исторіи и жизни, а о самой этой глубинѣ ничего не говоритъ. Для рѣшенія этого вопроса нужно вспомнить другія книги Алданова. Всѣ писали о каждомъ его новомъ романѣ: «новый романъ Алданова является стадіей осуществленія большого и единаго философскаго замысла. Объ этомъ замыслѣ еще рано судить. Подождемъ слѣдующей книги». Вѣроятно, и дѣйствительно, не написана Алдановымъ эта послѣдняя книга, которая вдругъ освѣтила бы блистательное, но въ какомъ то внутреннемъ мракѣ воздвигнутое имъ зданіе. Аналитическій умъ, скептицизмъ, блескъ и занимательность повѣствованія, широкая эрудиція, добросовѣстное изслѣдованіе источниковъ и другія писательскія качества Алданова уже давно подробно и вѣрно выяснены и названы. И всетаки онъ — одинъ изъ самыхъ темныхъ современныхъ писателей. Мнѣ часто кажется, что онъ третъ какую то переводную картинку. Каждая новая книга стираетъ слой иллюзій и ложныхъ стилизацій и

вотъ сейчасъ станетъ видна картинка сущности, та радостная свѣжесть и яркость влажныхъ красокъ, которая такъ удивляетъ въ переводныхъ картинкахъ. Но, можетъ быть, онъ до-треть до дыры и тогда ничего не получится. Еще можетъ быть, что я ошибаюсь и онъ вовсе не треть, такъ какъ считаетъ это занятіе напраснымъ. Я во всякомъ случаѣ, эту картинку еще не вижу ясно и объ философскомъ замыслѣ Алданова мнѣ трудно говорить. Я только допускаю, что онъ гораздо больше, чѣмъ просто авторъ блестяще и занимательно написанныхъ историческихъ романовъ, и я хотѣлъ бы, что бы онъ написалъ такую освѣщающую послѣднюю книгу.

Теперь нѣсколько словъ по поводу формы. Никакой дамы, которой на самомъ дѣлѣ не было и которая не шла по Невскому проспекту, въ книгѣ «Портреты» нѣту. Образы героев сдѣланы на основаніи чисто фактическаго матеріала. И все таки, я думаю, что эта книга художественная литература, а не публицистика; если, конечно, критеріемъ художественности признавать не какія либо формальныя опредѣленія, а соотвѣтствіе требованію, что бы произведеніе являлось «безкорыстнымъ», не-утилитарнымъ выраженіемъ души писателя и того, какъ въ ней отображается міръ. По моему такое соотвѣтствіе въ «Портретахъ» есть и исторія въ нихъ только «служанка» литературы. Исторія не только не мѣшаетъ въ этой книгѣ художественности, но возможно, что именно эссензмъ на историческомъ матеріалѣ является литературной формой наиболѣе «адекватно» выражающей формальный писательскій составъ Алданова. Въ «Портретахъ», можетъ быть,

сильнѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ его книгахъ, чувствуется приближеніе того флореровскаго золотого и блистательнаго воздуха классическаго совершенства, который дѣлаетъ прозу похожей не на живое теченіе жизни, а на какія то драгоценныя прекрасныя вещи.

Хорошо это или плохо — одинъ изъ самыхъ трудныхъ и трагическихъ вопросовъ искусства. Я лично думаю, что совершенство формы не есть — истинныя двери, ведущія въ жизнь вѣчную, и при видѣ самыхъ прекрасныхъ золотыхъ вещей искусства въ торжествующемъ молчаніи неподвижно стоящихъ въ какомъ то, какъ бы похожемъ на вѣчность, квази-освобожденномъ отъ теченія времени, пространствѣ, меня всегда смущаетъ мысль, что они находятся нигдѣ, что за ними — черная дыра. Но это вопросъ спорный. Во всякомъ случаѣ въ «Портретахъ» есть большія формальныя достоинства.

Вл. Варшавскій

Сборникъ союза молод. поэтовъ и писателей въ Парижѣ. V. 1931; «Новоселье». Сборникъ берлинскихъ поэтовъ. Кн-во Петрополисъ. Берлинъ 1931; Ирина Кноррингъ. Стихи о себѣ. Парижъ, 1931; Г. Лугинъ. Тридцать два. Парижъ, 1931.

Очередной, пятый по счету, сборникъ парижскаго союза, по составу напечатанныхъ вещей, отличается отъ предыдущихъ. Въ него, кромѣ стиховъ, включены нѣсколько короткихъ рассказовъ и критическихъ замѣтокъ. Этотъ новый матеріалъ оживляетъ сборникъ, хотя сами по себѣ ни рассказы, ни рецензій